

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*
ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ
NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

НОВАЯ ГРАНЬ СОЗНАНИЯ, ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ МЕСТА В МИРЕ

Мир ИНОЙ

*Что психоделика
может рассказать
о сознании, смерти, страстях,
депрессии и трансцендентности*

МАЙКЛ ПОЛЛАН

*«гурман-интеллектуал», автор международных бестселлеров,
лауреат премии Ниренберга*

Психология и психика

Майкл Поллан

**Мир иной. Что психоделика
может рассказать о сознании,
смерти, страстях, депрессии
и трансцендентности**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 159.98
ББК 88.37

Поллан М.

Мир иной. Что психоделика может рассказать о сознании, смерти, страстях, депрессии и трансцендентности / М. Поллан — «Издательство АСТ», 2018 — (Психология и психика)

ISBN 978-5-17-119981-4

Когда Майкл Поллан готовился исследовать применение наркотических веществ в лечении депрессии, зависимости и тревожности, которые так сложно побороть, он совсем не намеревался создавать то, что получилось, – самую личную из его книг. Но обнаружив, что эти вещества способны повысить качество жизни не только душевнобольных, но и вполне здоровых людей, едва сдерживающих давление со стороны повседневности, он решил определить топографию собственного сознания и многое вписал от первого лица. Так началось его путешествие по различным измененным состояниям, в ходе которого он обращается к достижениям науки о мозге. Поллан также немало поработал в архивах, чтобы отделить правду о психоделиках от распространенных мифов, доминировавших в представлениях о них с 1960-х годов, когда лоббировалось негативное отношение к тому, что имело потенциал для науки. Это уникальное сочетание истории, медицины и науки с биографическими эпизодами, захватывающее описание личного опыта, отсылающего к новому рубежу нашего понимания разума, личности и места в мире. Подлинная тема «психоделического травелога» Поллана – не только психоделики, но и неразрешимая загадка человеческого сознания – как в мире, сталкивающим нас со страданиями и удовольствиями, мы можем отыскать смысл в наших жизнях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 159.98
ББК 88.37

ISBN 978-5-17-119981-4

© Поллан М., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава первая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Майкл Поллан

Мир иной. Что психоделика может рассказать о сознании, смерти, страстях, депрессии и трансцендентности

Посвящается моему отцу

Перевод оригинального издания:

Michael Pollan

HOW TO CHANGE YOUR MIND: WHAT THE NEW SCIENCE OF PSYCHEDELICS
TEACHES US ABOUT CONSCIOUSNESS, DYING, ADDICTION, DEPRESSION, AND
TRANSCENDENCE

Печатается с разрешения автора при содействии его литературных агентов ICM Partners.

© 2018 by Michael Pollan

© Перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Новая дверь

Душа должна жить нараспашку.
– ЭМИЛИ ДИКИНСОН

В середине XX века западный мир был потрясен открытием двух необычных молекул, двух органических соединений одного семейства, поразительно схожих между собой. Со временем это открытие радикально изменило всю социальную, политическую и культурную историю человечества, равно как и личную жизнь миллионов людей, перед которыми вдруг приоткрылась вся многофункциональная сложность их мозга. По воле, а может быть, и по иронии судьбы открытие этих разрушительных химических соединений совпало с еще одним разрушительным для мировой истории событием – изобретением ядерной бомбы. Сразу же нашлись и те, кто, сравнивая эти два события, извлек немало полезного из этого космического совпадения. Короче говоря, в мир были выпущены новые, невероятно мощные энергии, после чего мир стал другим.

Первую из этих двух молекул изобрели ученые, причем случайно. Диэтиламид лизергиновой кислоты, сокращенно называемый ЛСД, был впервые синтезирован в 1938 году швейцарским химиком Альбертом Хофманом; произошло это вскоре после того, как ученым удалось расщепить атом урана. Хофман, работавший в то время в швейцарской фармацевтической компании *Sandoz*, искал химический препарат, который мог бы стимулировать кровообращение, а в результате открыл психоактивное вещество. Однако первые пять лет он об этом даже не подозревал, и лишь по прошествии этих лет он, чисто случайно приняв внутрь микроскопическую дозу этого нового препарата, вдруг осознал, что открыл нечто поразительное, одновременно и ужасное, и удивительное.

Вторую молекулу изобретать не пришлось: она существовала многие тысячелетия, хотя до сей поры ни один человек в цивилизованном мире об этом не подозревал. Производимая не химиками, а безобидным маленьким коричневым грибом, эта молекула, впоследствии получившая название псилоцибин, сотни лет использовалась коренными жителями Мексики и Центральной Америки в религиозных и обрядовых таинствах. *Теонанакатль* («плоть богов»), как называли этот гриб ацтеки, после захвата испанцами Америки был объявлен Римско-католической церковью «вне закона» и загнан «в подполье».

В 1955 году, то есть спустя 12 лет после открытия ЛСД, банкир и миколог-любитель из Нью-Йорка Гордон Уоссон оказался в деревушке Хуатла-де-Хименес, в южномексиканском штате Оахака, где и отведал этот магический гриб. Через два года в журнале *Life* он опубликовал 15-страничную статью о «грибах, вызывающих странные видения», ознаменовав тем самым исторически значимый момент, когда информация о новой, расширенной форме сознания впервые достигла глаза и уха широкой общественности. (Действительно, до 1957 года о существовании ЛСД знал лишь узкий круг ученых-исследователей и психиатров.) Правда, общественность тогда еще не осознала в полной мере размах и масштабы этого события, на что ей потребовалось еще несколько лет, но, как бы там ни было, история западного мира с этого момента круто изменилась.

Воздействие на человечество этих двух молекул трудно переоценить. Несомненно, что изобретение ЛСД было напрямую связано с революцией в науке мозга, начавшейся как раз в 1950-е годы: именно тогда ученые выяснили, сколь важную роль играют нейромедиаторы (они же нейротрансмиттеры) в деятельности мозга, и обнаружили, что всего несколько микrogramмов ЛСД могут вызывать симптомы, во многом напоминающие психоз, что и заста-

вило их обратиться к исследованию нейрохимической основы психических заболеваний, которые раньше объяснялись чисто психологическими причинами. В это же время в психотерапии начали широко использоваться психоделики, с помощью которых лечили самые разнообразные недуги и расстройства, включая алкоголизм, психоз и депрессию. Практически полтора десятилетия, то есть все 1950-е годы и начало 1960-х годов, многие психиатры чуть ли не с трепетом относились к ЛСД и псилоцибину, считая их чудодейственными препаратами.

Появление этих двух соединений связано также и с подъемом молодежной контркультуры в середине 1960-х годов, в частности с ее тональностью и нравами. Впервые в истории молодежь обзавелась собственным «ритуалом посвящения», так называемым «кислотным трипом» (*acid trip*), представлявшим собой не что иное, как галлюцинаторные видения. Но если все прочие обряды посвящения предназначены вводить молодых людей в мир взрослых, то этот, напротив, вводил их во внутренний мир сознания, о существовании которого знала лишь небольшая кучка исследователей. И воздействие этого обряда на общество, мягко говоря, было разрушительным.

Однако в конце 1960-х годов те ударные социально-политические волны, что были порождены этими молекулами, начали понемногу утихать. Психоделики все чаще стали оборачиваться своей темной стороной, вызывая у людей, пользовавшихся ими, ломки, психические расстройства, психотические срывы, невротические воспоминания, суицидальные настроения и прочие явления, что не могло не привлечь к ним пристальное внимание общественности, так что в начале 1965 года неимоверный интерес, сопровождавший последние десять лет эти новые препараты, вдруг сменился паникой на почве морали. Как только культурный и научный истеблишмент принял психоделики, те тут же обратились против самого истеблишмента. К концу десятилетия психоделические препараты (а они в большинстве стран были легализованы) были объявлены вне закона и загнаны в подполье. По крайней мере, одну из двух страшных бомб XX века удалось обезвредить. Но затем случилось нечто неожиданное, хотя и вполне предсказуемое. В начале 1990-х годов незаметно и втуне от нас небольшая группа ученых, психотерапевтов и так называемых психоавтов, посчитавших, что от внимания культуры и науки скрыто что-то очень бесценное, решила это «бесценное» раскопать и восстановить в правах.

Сегодня, по прошествии нескольких десятилетий сокрытия и подавления, психоделики переживают своего рода ренессанс. Новое поколение ученых, многие из которых на себе испробовали действие этих соединений (и ныне вдохновляются этим опытом), старательно изучает их потенциал, применяя их для лечения психических расстройств и заболеваний, таких как депрессия, тревога, душевные травмы и различные виды зависимости. Другие же ученые используют психоделики (в сочетании с новыми инструментами нейровизуализации и мозгового картирования) для исследования взаимосвязей мозга и разума, надеясь с их помощью раскрыть тайны сознания.

Один из наиболее эффективных способов, ведущих к пониманию сложной системы, — расшевелить ее и посмотреть, как она отреагирует на это насилие. Например, ученые-физики, сталкивая между собой в ускорителе частицы атомы вещества, тем самым заставляют их выдавать свои секреты. Так же поступают и нейробиологи: давая своим подопечным в строго определенных дозах психоделики, они будоражат их будничное или бодрствующее сознание, разрушая устоявшиеся структуры их «я» и вызывая то, что можно назвать мистическим опытом. В ходе этого процесса с помощью томографов и других визуализирующих инструментов они наблюдают за изменениями в деятельности мозга и выявляют картину нейронных связей. Даже эта внешне несложная научная работа дает удивительное понимание «нейронных коррелятов» нашего самоощущения и духовного опыта. Поэтому бытовавшая в 1960-е годы очевидная банальная истина, что, мол, психоделики дают ключ к пониманию (и «расширению») сознания, сегодня уже не кажется столь банальной.

«*Мир иной*» – это прежде всего книга о ренессансе психоделиков. Хотя она, судя по этому предисловию, не кажется таковой, это все же очень личностная история, неразрывно связанная с историей общественной. Видимо, такая связь неизбежна. Все, что я узнавал о психоделических исследованиях от третьих лиц, подогревало во мне интерес к этой теме и наконец побудило меня лично заняться исследованием нового для меня психического ландшафта, чтобы понять, как воочию выглядят изменения сознания, производимые этими молекулами, чему они могут (если только могут) научить меня относительно *моего* сознания и смогут ли вообще (а если смогут, то чем) обогатить мою жизнь.

* * *

Но события приняли совершенно неожиданный поворот. История психоделиков, изложенная здесь, не является тем опытом, который я познал лично, и не основывается на нем. Я родился в 1955 году, как раз в середине того самого десятилетия, когда психоделики впервые появились на американской сцене, но завладели они моим вниманием много-много позже, когда я уже разменял пятый десяток: именно тогда я начал серьезно подумывать о том, чтобы впервые попробовать ЛСД. Многим их тех, кто, как и я, был рожден в период всплеска рождаемости в США, это может показаться невероятным, даже предательством по отношению к своему поколению. Но в 1967 году мне было только двенадцать лет; я был слишком мал, чтобы интересоваться «цветами любви», то есть движением хиппи, или «кислотными тестами» молодежи в Сан-Франциско, а если и слышал о них, то лишь краем уха. В четырнадцать лет я мог лишь мечтать попасть на рок-фестиваль в Вудстоке, потому как попасть туда я мог лишь одним способом – вместе с родителями. Так что большую часть событий, которыми ознаменовались 1960-е годы, я отслеживал лишь на страницах журнала *Time*. К этому времени мысль попробовать ЛСД уже проникла в мое сознание, хотя и не оформилась в ярко выраженное желание; другими словами, она описала ту дуговую траекторию, которую ей предуготовили средства массовой информации, и завершила ее, пройдя путь с самого начала, где ЛСД расхваливался как психиатрический чудо-препарат, через промежуточную стадию, где он подавался как средство приобщения к таинствам контркультуры, и до конца, где он же стал средством совращения молодых умов.

Я уже учился в младших классах средней школы, когда ученые возвестили (как впоследствии оказалось, ошибочно), что ЛСД дробит хромосомы и превращает их в кашу; все СМИ, так же как и мой школьный физрук, были уверены, что мы, дети, наслышаны об этом. Несколько лет спустя известный радио- и телеведущий Арт Линклеттер начал кампанию против ЛСД, заявив, что именно этот препарат стал виновником гибели его дочери, выпрыгнувшей из окна квартиры. Да и с Мэнсоном и совершенными его сектой убийствами ЛСД тоже связывали. В начале 1970-х годов, когда я поступил в колледж, все, что говорилось об ЛСД, было рассчитано на то, чтобы напугать молодое поколение. И эта пропаганда, увы, не прошла для меня даром: я в гораздо меньшей мере дитя психоделических 1960-х и в гораздо большей – отпрыск той моральной паники, которую эти психоделики вызвали.

Но у меня была и чисто личная причина держаться подальше от психоделиков, и этой причиной был мой болезненно-тревожный, с нервными срывами, подростковый возраст, посеявший во мне (и как минимум в одном из психотерапевтов) сомнение в моей психической вменяемости. К тому времени, когда я начал учиться в колледже, я окреп и чувствовал себя значительно лучше, но идея затеять рискованную игру в кости с психоделическими препаратами по-прежнему казалась мне неприемлемой.

Годы спустя, когда мне было двадцать с гаком и я стал вполне уравновешенным молодым человеком, я таки два или три раза попробовал волшебные грибы. Один из друзей дал мне банку с высушенными (корявыми на вид) псилоцибиновыми грибами, и пару раз, помнится,

я вместе со своей подругой Джулией (теперь она моя жена) разжевал и проглотил два или три из них, что поначалу вызвало у меня кратковременный приступ тошноты, но за ней последовали четыре или пять весьма увлекательных часов, которые мы провели в компании друг с другом в реальности, ощущавшейся как некая волшебное преобразившаяся версия знакомой обстановки. Любители психоделиков наверняка назвали бы это состояние «эстетическим опытом, вызванным малой дозой галлюциногена» (а не «полноценным кислотным трипом»), которое сопряжено с раздвоением «я». Разумеется, мы не выходили за пределы известной нам вселенной и не приобщились к тому состоянию, которое называют мистическим опытом, но, тем не менее, пережитое нами было *действительно* интересно. Что мне особенно запомнилось, так это неестественная, прямо-таки живая зелень леса и мягкая бархатистость папоротников. Меня охватило необузданное желание выбежать на улицу, раздеться догола и оказаться как можно дальше от всего, что сделано из металла и пластика. Поскольку в этой психоделической стране мы были одни, все это было вполне выполнимо. Я не очень хорошо помню последовавшую за этим субботнюю поездку в Риверсайд-парк на Манхэттене, кроме разве того, что она показалась мне куда менее радостной и желанной, поскольку большую часть времени мы думали-гадали, заметили ли окружающие, что мы под наркотическим кайфом, или нет.

В то время всех этих тонкостей я еще не знал, но существенная разница в состояниях и ощущениях, вызываемых одним и тем же препаратом, продемонстрировала мне нечто очень важное и специфическое относительно психоделиков, а именно: критическое влияние на человека «установки» и «обстановки». «Установка» – это умственный настрой или упования, которые человек связывает с этим опытом, а «обстановка» – это среда, в которой все это происходит. Если сравнивать психоделики с другими препаратами, то получается очень интересная вещь: психоделики очень редко оказывают на людей одно и то же действие дважды, поскольку они, как правило, усиливают те внутренние, а подчас и внешние процессы, которые уже совершаются в голове человека.

После тех двух коротких, но памятных «трипов» мы заперли банку с грибами в кладовку и долгие годы не прикасались к ней. Мысль о том, чтобы запереться дома на целый день и весь его посвятить психоделическим откровениям, даже не приходила нам в голову. Все свои усилия мы в то время устремляли на то, чтобы сделать карьеру, и те продолжительные периоды свободного времени, которые дает учеба в колледже (или безработица), давно стали для нас лишь воспоминанием. Но теперь к нашим услугам был другой, совершенно иной наркотик, который было куда проще вплести в ткань нашей будничной манхэттенской жизни: кокаин. Этот снежно-белый порошок оттеснил корявые коричневатые грибы на периферию, сделав их немодными, невостребованными и излишне манерными. Поэтому, занимаясь однажды уборкой кухонных шкафов и кладовок, мы, наткнувшись на давно забытую банку с грибами, выбросили ее в мусорный бак вместе со старыми и давно отслужившими свой срок специями и упаковками с едой.

Прошло три десятилетия, и я теперь жалею о том, что так поступил: я бы сейчас многое дал за ту банку с грибами. Теперь я все больше и больше задаюсь вопросом: а не потрачены ли эти магические молекулы впустую, на молодежь? Что, если бы их предложить более зрелым людям, людям с устойчивой психикой, с устоявшимися привычками и нормами поведения? Карл Юнг как-то сказал, что «мистический опыт» нужен не молодежи, а людям среднего возраста, потому как он может помочь им успешно пройти вторую половину жизни.

К тому времени, когда я благополучно перешагнул порог сорокалетия, моя жизнь прочно вошла в глубокое и спокойное русло: долгий и счастливый брак и не менее долгая и успешная карьера. За это время я разработал систему вполне надежных психических алгоритмов, ориентируясь на которые я преодолевал все те препятствия, что мне подбрасывала жизнь, будь то дома или на работе. Чего еще мне не хватало в жизни? Всего хватало, насколько я мог судить, – до того самого момента, когда весть о новых исследованиях в области психоделиков начала

прокладывать путь в мое сознание, заставив меня призадуматься: а не ошибся ли я в оценке потенциала этих молекул? Не могут ли они послужить средством для более полного понимания сознания и (потенциально) для его изменения?

* * *

Ниже я привожу три наиболее знаменательных момента, которые убедили меня в том, что это именно так.

Весной 2010 года в газете *New York Times* была напечатана передовица под заголовком «Галлюциногены снова в ходу у врачей». В ней сообщалось о том, что врачи в последнее время все чаще прибегают к псилоцибину, активному компоненту волшебных грибов, давая его в больших дозах онкологическим больным на последней стадии болезни: это, мол, помогает им справляться с их «экзистенциальными бедами», вызванными близостью смерти.

Эти эксперименты, которые проводились одновременно в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и Нью-йоркском университете, показались мне не то чтобы невероятными, а попросту безумными. Если уж я болен раком в его финальной стадии, то последнее, что мне может прийти в голову, – это захотеть принимать психоделический препарат, то есть полностью отказаться от контроля за сознанием и, войдя в это психологически неустойчивое состояние, глядеть прямо в отверстую бездну. Но, если судить по рассказам многих пациентов, во время этого «психоделического трипа» им удается не только по-новому взглянуть на свою болезнь – рак, но и увидеть в новом свете весь процесс умирания. Некоторые утверждали, что у них после этого полностью исчез страх перед смертью. Причины же, объясняющие подобную трансформацию, выглядели хотя и неубедительными, но весьма интригующими. «Индивидуумы утрачивают первичную идентификацию с телом, они как бы возносятся над ней и переживают состояние освобождения от своего эго», – приводятся слова одного из исследователей. Поэтому они «возвращаются с обновленным взглядом на жизнь и более радужнымприятием смерти».

Помнится, я положил эту статью в папку, упрятал ее в один из ящиков стола и благополучно забыл о ней. Но вот, спустя где-то год или два, мы с Джудит оказались в гостях в большом доме в Беверли-Хиллз; мы сидели за длинным обеденным столом вместе с десятком других гостей, когда вдруг женщина на другом конце стола (потом я узнал, что она была известным психологом) начала рассказывать о своем кислотном трипе. Я в тот момент был увлечен разговором на совершенно иную тему, но едва моего слуха коснулась магическое сочетание фонем Л-С-Д, как я тут же наострил ухо (в буквальном смысле, потому как приставил к нему руку, превратив в локатор) и стал внимательно слушать.

Поначалу мне показалось, что женщина просто пересказывает какой-то бородатый анекдот на эту тему, бывший в ходу в ее студенческие годы. Ан нет. Вскоре я убедился, что кислотный трип, о котором она говорила, она совершила на самом деле, причем за несколько дней или за неделю до нашей встречи, и это был ее первый опыт такого рода. Собравшиеся внимали ей, удивленно вскинув брови. Они с мужем, бывшим инженером-программистом, придерживались того взгляда, что употребление ЛСД (не постоянное, а от случая к случаю) стимулирует ум и является ценным подспорьем в их работе. В частности, по ее словам, ЛСД дает ей как психологу возможность понять, как именно дети воспринимают окружающий мир. Восприятие детей не связано установочными критериями и условностями места действия и обстоятельств, как восприятие взрослых; у нас, взрослых, сказала она, ум не столько воспринимает мир напрямую, сколько опирается на обоснованные догадки и послы о нем, и мы, опираясь на эти догадки и послы, в основе которых наш прошлый опыт и наработанные в годы учебы знания, экономим свое время и умственную энергию, как, например, в том случае, когда пытаемся понять, что представляет собой тот прерывистый узор из зеленых точек, что находится в

поле нашего зрения. (Скорее всего, это листья на дереве.) ЛСД, по-видимому, отключает или делает недействительными такие условные, сжато-конспективные способы восприятия мира и тем самым восстанавливает детскую непосредственность и возвращает нашему восприятию реальности ощущение чуда, как будто мы все видим впервые. (*Надо же, листья!*)

Я встал, чтобы меня было видно, и спросил женщину, не собирается ли она написать книгу обо всем этом, что тут же привлекло ко мне взгляды всех гостей. Она засмеялась и бросила на меня взгляд, ясно говоривший: «*Боже, как вы наивны!*» Действительно, ЛСД входит в список жестко контролируемых государством веществ и препаратов; другими словами, на правительственном уровне он рассматривается как наркотик, вызывающий зависимость, пагубно воздействующий на сознание и формально неприемлемый в медицинских целях. Разумеется, для любого человека в ее должности было бы безрассудным заявлять, тем более в печатном виде, что психоделики могут как-то способствовать развитию философии или психологии – короче говоря, что они могут стать ценным инструментом в исследовании тайн человеческого сознания. Все серьезные исследования психоделиков были более или менее прекращены и изгнаны из университетских лабораторий еще в 1963 году, то есть почти 50 лет тому назад, вскоре после того, как псилоцибиновый проект Тимоти Лири, начатый в Гарвардском университете, потерпел крах. Даже в Беркли, судя по всему, еще не готовы возобновить его. По крайней мере, не сегодня.

Это второй момент. А третий непосредственно с ним связан: разговоры за обеденным столом пробудили во мне смутное воспоминание, что несколькими годами раньше кто-то прислал мне по электронной почте научную статью об исследованиях псилоцибина. Занятый другими вещами, я в то время этот файл даже не открыл, но теперь быстрый поиск по слову «псилоцибин» мгновенно дал результат: компьютер выудил это послание из вороха удаленных писем. Оказалось, что статью мне прислал один из ее авторов, человек по имени Боб Джесси, чье имя в то время мне ни о чем не говорило; вероятно, он прочел кое-что из написанного мной о психоактивных растениях и подумал, что эта работа может меня заинтересовать. Статья, написанная теми же специалистами из медицинского центра Джона Хопкинса, которые давали онкологическим больным псилоцибин, была напечатана в журнале «*Психофармакология*». Для рецензируемой научной статьи она носила довольно длинное и необычное название: «Псилоцибин способен вызывать у больных переживания вроде мистических, имеющих лично для них важный непреходящий смысл и духовное значение».

Ладно бы слово «псилоцибин»; не оно меня потрясло, а такие слова, как «мистические», «духовное» и «смысл»: они буквально бросались в глаза со страниц фармакологического журнала. Название интриговало, оно намекало на то, что это не простое исследование, что оно ведется на переднем крае науки, объединяя собой два мира, которые мы в силу воспитания считали несовместимыми: науку и духовность.

Заинтригованный, я так и впился в статью. В ней говорилось, что для эксперимента было отобрано тридцать добровольцев, которые никогда до этого не употребляли психоделики, причем половине из них дали таблетку, содержащую синтетическую разновидность псилоцибина, а половине – «активное плацебо» (метилфенидат, или риталин), внушив им при этом, что это самый настоящий психоделик. Все участники эксперимента лежали на кушетке с закрытыми глазами и в наушниках, слушая музыку (для лучшей концентрации внимания и большей сосредоточенности на самих себе), а подле них постоянно находились два терапевта. Примерно через полчаса в сознании тех из них, кто получил таблетку псилоцибина, начало происходить нечто необычное.

Исследование показало, что большая доза псилоцибина может запросто создавать у человека, причем без особых для него последствий, восприятие мистического опыта, который обычно характеризуется так называемым растворением эго и влечет за собой чувство слияния с природой или вселенной. Для людей, уже принимавших психоделики, или для исследовате-

лей, вплотную занимавшихся ими в 1950-е и 1960-е годы, в этом не было ничего нового. Но для современных ученых или для меня тогдашнего, то есть малосведущего человека образца 2006 года, когда эта статья появилась в печати, все это было не таким уж очевидным.

Но вот что самое удивительное: участники эксперимента назвали пережитое ими под влиянием псилоцибина самым потрясающим и самым поучительным опытом в своей жизни, сравнимым разве что «с рождением первого ребенка или смертью родителей». Две трети участников поместили данный опыт в пятерку «наиболее духовно значимых переживаний», а одна треть назвала его самым значительным переживанием, когда-либо выпадавшим им в жизни. 14 месяцев спустя их оценка пережитого если и изменилась, то весьма незначительно. Кроме того, участники отметили существенные улучшения и позитивные сдвиги во многих сферах личной жизни, таких, например, как «самочувствие, удовлетворенность жизнью, действия и поступки», – сдвиги, которые заметили и подтвердили члены их семей и друзья.

В то время об этом еще никто не подозревал, но именно с публикации этой статьи начался период возрождения (так называемый ренессанс) психоделиков, ныне набравший серьезные обороты. Статья привела к тому, что в ряде научных учреждений – например, в медицинском центре Джонса Хопкинса и в лабораториях нескольких университетов – была проведена целая серия таких же пробных экспериментов, где больным массово давали псилоцибин, чтобы проверить его действие на самый широкий спектр недугов, включая тревогу, нервозность и подавленность (у онкологических больных), алкогольную и никотиновую зависимость, обсессивно-компульсивное расстройство, депрессию и расстройства пищеварения. Самое поразительное в этих клинических исследованиях – это лежащая в их основе предпосылка (вполне логическая предпосылка), что важнейшим ключом к изменению сознания является, по-видимому, не фармакологическое действие самого препарата, а вызываемые им психические переживания, включая и временное растворение человеческого эго.

* * *

Как человек, уверенный, что уж у него-то, во всяком случае, еще не было такого «духовно значимого» переживания, какое испытали две трети участников, не говоря уже о том, что я никогда не задумывался над тем, чтобы как-то классифицировать свои переживания, – короче говоря, я волей-неволей оказался среди тех, у кого эта статья вызвала одновременно и любопытство, и скептицизм. По словам многих участников, перед ними как бы открылась альтернативная реальность, им была дана возможность «ступить за грань», где уже не действуют обычные физические законы и где заявляют о себе в виде непреложных реалий различные проявления космического сознания или божественности.

Все это вызвало во мне двоякое отношение: с одной стороны, я не мог принять это на веру (а не было ли это просто галлюцинацией, вызванной наркотическим препаратом?), а с другой – это меня заинтриговало; одна часть моего «я» хотела, чтобы это (что бы это ни было) оказалось правдой, а другая подвергала это сомнению. Надо сказать, что подобное отношение меня немало удивило, поскольку я никогда не считал себя духовно ориентированным человеком, а тем более человеком, склонным к мистике. Как я полагаю, частично оно было обусловлено довлеющим мировоззрением, а частично позицией отрицания всего необычного, столь свойственной человеку. Действительно, я никогда не уделял много времени исследованию духовных материй, да и религиозным воспитанием тоже не могу похвастать. Я всегда негласно придерживался той же точки зрения, что и философ-материалист, который считает, что первичной субстанцией мира является материя и что физические законы, действию которых она подчиняется, в состоянии объяснить все происходящее в мире. При этом я исходил из той предпосылки, что природу следует понимать как все сущее в этом мире, в силу чего меня влекло к научному объяснению природных явлений. При этом, однако, я признавал, что научно-мате-

риалистический подход во многом ограничен и что природа (включая и человеческий разум) таит в себе много загадок, к которым наука подчас относится весьма высокомерно и которые без всякого на то основания отрицает.

Возможно ли, чтобы единичное психоделическое переживание – нечто, возникающее под действием проглоченной таблетки или квадрата «промокашки»¹, – могло опровергнуть устоявшееся мировоззрение? Или пошатнуть действующую мораль? Или надолго изменить чье-либо сознание?

Эта мысль прочно угнездилась во мне. Это сравнимо с тем, как если бы мне вдруг показали дверь в знакомой комнате (комнате моего сознания), которую я прежде не замечал, и сказали (причем сказали люди, которым я доверял, – ученые!), что по ту сторону меня ждет совершенно другой образ мышления и – бытия. И все, что нужно, – повернуть ручку и войти. Кому не станет любопытно? Кто удержится от подобного искушения? Может быть, я в тот момент и не стремился к переменам в собственной жизни, но сама мысль о том, что мне открывается возможность узнать что-то новое и осветить новым светом пространство старого мира, начала овладевать моими мыслями. Может быть, моей жизни действительно чего-то не хватает, чего-то, чему я не могу подобрать названия?

Во всяком случае, теперь я кое-что знал об этой двери, потому как успел к этому времени написать ряд статей о психоактивных растениях. Например, главной темой «*Ботаники желаний*» я сделал нечто, что в свое время меня немало удивило, а именно: неистребимое человеческое желание изменить свое сознание. Нет на земле такой культуры (кроме одной²), где бы не использовались определенные растения с целью изменить внутреннее содержимое сознания человека либо ради его исцеления, либо в силу привычки или духовной практики. И это любопытство, это неадекватное желание, живущее внутри нас наравне с другими привычными желаниями – еды, питья, красоты, секса (причем их эволюционный смысл более чем очевиден), – требует объяснения. Самое простейшее из них – мол, эти субстанции помогают умирять боль и разгоняют скуку. Однако тот факт, что многие из этих психоактивных веществ связаны с высвобождением сильных чувств и окружены различными табу и ритуалами, заставляет предположить, что здесь скрывается нечто гораздо большее.

Что касается нашего вида, то, насколько мне известно, растения и грибы, способные радикально менять сознание, давно и повсеместно использовались и продолжают использоваться для различных целей: для исцеления умственных расстройств, в ритуалах посвящения и для общения со сверхъестественными существами или миром духов. Это очень древние практики, которые почитались во всех великих культурах, но я нашел для психоактивных веществ еще одно применение: они призваны обогащать коллективное сознание – культуру – теми новыми идеями и мечтами, которыми немногие избранные одаривают человечество, черпая их в тех мирах, где они побывали.

* * *

Теперь, когда я интеллектуально обосновал потенциальную ценность этих психоактивных субстанций, то у меня, как вы, наверное, подумали, должно было проявиться более сильное желание самому их попробовать. Да, такое желание у меня возникло, но что-то (я и сам не знаю что) меня останавливало: то ли недостаток смелости, то ли ожидание благоприятной возможности, которая никак не подворачивалась, поскольку жизнь, заполненная трудовыми буд-

¹ «Промокашка» (*blotter paper*) – разновидность ЛСД. – Прим. перев.

² Эскимосы, по-видимому, являются единственным исключением из этого правила, тем самым подтверждая его, но только потому, что на территориях, где они проживают, не произрастают психоактивные растения. (Во всяком случае, таких пока не обнаружено.)

ниями, в основном протекает в жестких рамках законов. Но когда я начал обдумывать потенциальную пользу этих субстанций, взвешивая и сравнивая ее с возможными рисками, то, к своему удивлению, обнаружил, что, как гласит поговорка, «не так страшен черт (психоделики), как его малюют». В самом деле, при всем желании, например, нельзя умереть от слишком большой дозы ЛСД или псилоцибина; ни один из этих препаратов даже не вызывает зависимости. Если животным скормить одну дозу этих препаратов, они не будут требовать вторую, а люди при повторном их использовании отмечают существенное ослабление их действия³. Да, действительно, те ужасные видения, которые посещают некоторых людей, сидящих на психоделиках, в самом деле могут привести к тому, что подвергающие себя подобному риску впадут в психоз, поэтому в семьях, в чьем роду наблюдались случаи душевных заболеваний или предрасположенность к таким заболеваниям, никто не должен их принимать. Но практика показывает, что пациенты, принимавшие психоделики и пострадавшие от них, поступают в отделение неотложной помощи крайне редко, причем во многих случаях то, что врачи диагностируют как психотические срывы, на деле оказывается просто кратковременными приступами паники.

Справедливо и то, что люди, сидящие на психоделиках, склонны к глупым и опасным поступкам: переходят дорогу с интенсивным движением в неполюженном месте, прыгают с большой высоты и даже (правда, это случается редко) убивают себя. Согласно опросу, проведенному среди бывалых потребителей психоделиков, которых просили рассказать об их переживаниях, появление «жутких галлюцинаций очень даже реально» и может стать «самым удручающим впечатлением в жизни»⁴. Но здесь очень важно уметь отличать неконтролируемые ситуации, когда препараты употребляются без учета «установки и обстановки», от ситуаций контролируемых, когда препараты принимают в клинических условиях, после тщательного их отбора и, разумеется, под присмотром врача. Возвращение санкционированных психоделиков, положившее начало их исследованию, началось в 1990-е годы, и хотя с тех пор через руки врачей прошли тысячи добровольцев, на которых было испробовано их действие, за это время не было зарегистрировано ни одного серьезного случая их неблагоприятного влияния.

Именно в этот момент мысль «встряхнуть стеклянный шар так, чтобы пошел снег», как назвал психоделический опыт один нейрофизиолог, начала представляться мне скорее привлекательной, нежели пугающей, хотя некая доля страха в моей душе все еще оставалась. По прошествии более полувека, в течение которого это было моим более или менее постоянным спутником, оно – этот вездесущий голос, непрерывно звучащий в моей голове, это вечно комментирующее, интерпретирующее и навешивающее ярлыки защитное «я» – сделалось для меня чуть более знакомым и узнаваемым. Я в данном случае не говорю о таком аспекте, как глубокое самопознание; я говорю лишь о том, что со временем все мы стремимся оптимизировать и сделать традиционными наши реакции на воздействия жизни. У каждого из нас есть свои схематические пути обработки и усвоения повседневного опыта и решения проблем, и хотя такой подход к жизни вполне приемлем, потому как он помогает выполнять работу при максимуме усилий и минимуме суеты, в конечном счете он становится механическим. Он отупляет нас. Мышца нашего внимания атрофируется.

³ Дэвид Дж. Натт. «Наркотики без горячего воздуха: как минимизировать вред от применения легальных и нелегальных наркотиков». – Кембридж, Англия: UIT, 2012. [David J. Nutt. *Drugs Without the Hot Air: Minimising the Harms of Legal and Illegal Drugs* (Cambridge, U.K.: UIT, 2012)]. Вот почему люди, принимающие малые дозы психоделиков, никогда не принимают их несколько дней подряд.

⁴ Тереза М. Карбонаро и др. «Опрос-исследование удручающих переживаний после принятия псилоцибиновых грибов: резкие и устойчивые положительные и отрицательные последствия». «Психофармакология», 2016, 1268–1278. [Theresa M. Carbonaro et al., “Survey Study of Challenging Experiences After Ingesting Psilocybin Mushrooms: Acute and Enduring Positive and Negative Consequences,” *Journal of Psychopharmacology* (2016): 1268–78.] Опрос показал, что только 7,6 % респондентов обращались к врачу по поводу «одного и более психологических симптомов, которые они приписывают угнетающему действию псилоцибина».

Несомненно, привычки – очень полезные инструменты, сильно облегчающие проведение сложных психологических операций, к которым мы прибегаем всякий раз, когда сталкиваемся с новой задачей или новой ситуацией. И они же помогают нам бдительно следить за внешним миром: присутствовать в нем, уделять ему внимание, чувствовать, мыслить, а затем обдуманно действовать. (То есть действовать свободно, а не по принуждению.) Если вы забыли, что представляют собой подобные психические привычки и как они ослепляют нас, делая невосприимчивыми к жизни и опыту, то поезжайте в незнакомую страну – и вы сразу же встряхнетесь! Алгоритмы повседневной жизни оживут и заработают снова, как будто с нуля. Вот почему для описания психоделических переживаний более чем уместны различные метафоры и сравнения, почерпнутые из арсенала путешественника.

Ум взрослого человека, сколь бы эффективен и полезен он ни был, делает нас слепыми и невосприимчивыми к происходящему в данный момент. Мы постоянно перескакиваем от одного вопроса к другому, от одной темы к другой. Мы подходим к жизненному опыту, уже будучи запрограммированы в той же мере, что и искусственный разум; наш мозг постоянно переводит данные настоящего в понятия прошлого и транслирует их в таком виде; он то и дело обращается за сведениями к опыту прошлого и пользуется им, стараясь на его основе предугадать и спрогнозировать будущее.

Тому, что многие аспекты жизни – путешествия, искусство, природа, работа и даже некоторые наркотики – становятся столь приятными и даже желанными для нас, мы обязаны прежде всего своему опыту, который заполняет собой все психические пути и дороги, ведущие как вперед, так и назад, растворяя нас в потоке чудесного настоящего – чудесного в буквальном смысле, потому как чудо – это побочный продукт именно такого, ничем не обремененного, первого, наивного и девственного взгляда на мир, от которого мозг взрослого человека давно отгородился. (Ведь это так малополезно и неэффективно!) Увы, но большую часть времени я живу в ближайшем будущем, мой психический термостат установлен и действует в режиме медленного кипения, бурля чаяниями, предчувствиями, а еще чаще волнениями и заботами. К счастью, я редко чему удивляюсь. Это одновременно и хорошо, и плохо.

Что именно я стремлюсь здесь изобразить? Не что иное, как рабочий режим или уровень своего нынешнего сознания, действующего по умолчанию, как мне кажется. Оно работает достаточно хорошо, выполняет нужную работу, но меня не отпускает мысль: что, если это не единственный или, возможно, даже не лучший способ идти по жизни? Ведь предпосылкой психоделического исследования служит именно то, что эта особая группа молекул может давать нам доступ к другим уровням и режимам сознания, из общения с которыми мы можем извлечь особую выгоду: терапевтическую, духовную или творческую. Разумеется, психоделики – не единственная дверь, ведущая к другим формам сознания (на страницах этой книги я расскажу и о других, не фармакологических альтернативах), но они действительно кажутся одной из тех дверных ручек, которые так легко взять и повернуть.

Идея расширения сознания, всего репертуара его состояний, не так уж и нова: она ясно прослеживается в индуизме и буддизме, да и в западной науке тоже имеются весьма интересные и поучительные прецеденты. Например, известный американский философ и психолог Уильям Джеймс, автор книги *«Многообразие религиозного опыта»*, более века тому назад уже забирался в эти миры. Вернулся он оттуда с убеждением, что наше повседневное бодрствующее сознание – «всего лишь особый тип сознания, тогда как рядом и вокруг него, отделенные от него лишь тончайшим экраном, находятся потенциальные и совершенно иные формы сознания».

Насколько я понимаю, Джеймс говорит о неоткрытой двери, ведущей внутрь нашего разума. Для него таким «толчком», который мог открывать эту дверь и давать доступ в миры по ту ее сторону, был так называемый веселящий газ – окись азота. (Кстати, мескалин, психо-

делическое соединение, добываемое из пейотля, американского кактуса, всегда имелся в распоряжении исследователей, но Джеймс, видимо, так и не решился его испробовать.)

«Ни одно описание Вселенной, сколь бы полным оно ни было, не может считаться окончательным, если оно не принимает во внимание эти другие формы сознания», – пишет Джеймс.

«Во всяком случае, – заключает он, – эти другие состояния (которые, по его убеждению, столь же реальны, как чернила на этой странице) не дают нам преждевременно покончить с реальностью и свести с ней все счеты».

Когда я впервые прочитал это предложение, мне стало понятно, что Джеймс попал в самую точку: как истинный материалист и взрослый человек, достигший определенного возраста, я уже покончил с реальностью и свел с нею счеты, если и не полностью, то весьма основательно. И, видимо, сделал это несколько преждевременно.

Что ж, теперь меня приглашают открыть эти области сознания снова.

* * *

Если повседневное бодрствующее сознание – это один из нескольких возможных способов конструирования мира, тогда, возможно, есть смысл культивировать то великое нейронное разнообразие, каким оно мне представляется. Будем иметь это в виду. Что же касается этой книги, то она рассматривает данный предмет с различных точек зрения, используя для этого несколько повествовательных путей, таких как социальная и научная история, естествознание, мемуары, научная журналистика и практический опыт, то есть, иначе говоря, рассказы и свидетельства участников, добровольцев и пациентов. Короче, нас ждет интересное путешествие в неведомое, в середине которого я поделюсь с вами собственными исследованиями (вероятно, лучше было бы назвать их поисками) этого предмета, изложенными в форме психологического травелога.

Повествуя об истории психоделических исследований, прошлой и настоящей, я не посягаю на всеобъемлющий охват. Такая тема, как психоделики, являющаяся предметом науки и социальной истории, слишком обширна, чтобы уместить ее в объеме одной, пусть и большой книги. Вместо того чтобы представлять читателю всю галерею персонажей, принимавших участие в возрождении психоделиков и ответственных за него, я расскажу лишь о немногих пионерах, которые образуют особую научную линию преемственности, с тем неизбежным результатом, что та лепта, которую внесли в это дело многие другие, будет преподнесена кратко и в немногих словах. Кроме того (и это тоже делается в интересах связности повествования), я заостряю внимание лишь на некоторых препаратах, оставляя другие без внимания. В частности, это относится к МДМА (метилendioксиамфетамину, более известному как «экстази»): я касаюсь его вкратце, несмотря на то что некоторые врачи рассчитывают применять его в лечении посттравматических стрессовых расстройств. Дело в том, что лишь очень немногие исследователи причисляют МДМА к психоделикам, тогда как большинство придерживается иного мнения, которое я полностью разделяю. МДМА действует на сознание, используя различные проводящие пути мозга, а следовательно, у него совсем иная социальная история, отличающаяся от истории так называемых классических психоделиков. Из них я фокусируюсь преимущественно на тех, которым ученые уделяют наибольшее внимание (главным образом это псилоцибин и ЛСД), а это значит, что другим психоделикам я уделяю гораздо меньше внимания; бесспорно, они также интересны и эффективны, однако достать их и доставить в лабораторию гораздо труднее (пример такого психоделика – аяуаска).

И, наконец, о названиях. Тот класс молекул, к которому относятся псилоцибин и ЛСД (а также мескалин, ДМТ и некоторые другие), на протяжении многих десятилетий, с того момента, как на них обратили внимание, называли по-разному. Вначале их называли галлюциногенами. Но их воздействие было настолько разносторонним (в сущности, полноценные гал-

люцинации достаточно необычны и редки), что вскоре исследователи стали искать более точный и подходящий термин (этот поиск описан в 3-й главе). Термин «психоделики», чаще всего используемый мною в этой книге, имеет и свою обратную сторону. Появившись в 1960-е годы, в период расцвета контркультуры, он несет в себе и соответствующий культурный багаж, причем немалый. В надежде избежать этих ассоциаций и подчеркнуть духовную составляющую самих препаратов некоторые исследователи предложили называть их энтеогенами (в переводе с древнегреческого «божество внутри») – название, которое кажется мне слишком вычурным, поэтому термин «психоделики», изобретенный в 1956 году, несмотря на внешние атрибуты 1960-х, представляется мне этимологически более точным. Составленный из двух древнегреческих слов, он означает просто «проявление ума», что в точности передает то воздействие, которое оказывают на наш ум эти необычные молекулы.

Глава первая Ренессанс

Если уж необходимо точно указать начало современного ренессанса психоделиков и связанных с ними исследований, то таким началом, несомненно, является 2006 год. Правда, для многих людей в то время это было совершенно неочевидно. Не было принято никаких законов, не было издано никаких регулирующих актов или объявлено об открытиях – ничего такого, что указывало бы на этот исторический сдвиг. Но когда в течение этого года последовали одно за другим три вроде бы никак не связанных между собой события – первое в Базеле, Швейцария, второе в Вашингтоне, а третье в Балтиморе, штат Мэриленд, – чувствительное ухо вполне могло бы различить треск начинающего раскалываться льда.

Первым событием, которое предстает, если рассматривать его с позиции прошлого и настоящего, как своего рода исторический шарнир, было столетие со дня рождения швейцарского химика Альберта Хофмана, который в 1943 году случайно обнаружил, что пять лет тому назад он открыл психоактивную молекулу, впоследствии получившую название ЛСД. Этот столетний юбилей был необычным в том смысле, что на нем присутствовал сам юбиляр. Разменяв первую сотню лет, Хофман сохранил на удивление прекрасную форму, был физически подвижным, острым на ум и принимал самое активное участие в торжествах: сразу за празднованием дня рождения намечался трехдневный симпозиум. Церемония открытия состоялась 13 января, через два дня после столетнего юбилея (Хофман дожил до 102 лет). Конференц-зал в Базельском центре конгрессов заполнили две тысячи человек, которые стоя рукоплескали невысокому и немного сутулому мужчине в темном костюме и галстукe, который, опираясь на палку, медленно пересек сцену и занял свое место.

Из этих двух тысяч человек двести были журналистами, съехавшимися на симпозиум со всего мира, а остальные – целители, искатели, мистики, психиатры, фармакологи, исследователи сознания и нейрофизиологи; другими словами, большинство было представлено людьми, чья жизнь радикально изменилась под действием молекулы, которую человек на сцене извлек из гриба полстолетия назад. Они собрались здесь, чтобы воздать должное этому человеку, чтобы отметить событие, которое его друг, швейцарский поэт и врач Вальтер Фогт, назвал «единственным радостным открытием XX века». Для людей, собравшихся в зале, это была отнюдь не гипербола. По словам одного из американских ученых, свидетеля сего торжества, многие из присутствовавших «прямо-таки боготворили» Альберта Хофмана, поэтому нет ничего удивительного, что это событие чисто внешне во многом напоминало религиозный обряд.

Хотя практически каждый из присутствовавших знал наизусть историю открытия ЛСД, тем не менее Хофмана попросили рассказать «миф о сотворении» еще раз. (Эту историю он изложил, если мне не изменяет память, в изданных в 1979 году мемуарах *«ЛСД – мой трудный ребенок»*.) Хофману, который в то время был еще молодым химиком, работавшим в одном из подразделений компании *Sandoz*, занимавшемся выделением химических соединений из лекарственных растений для производства новых препаратов, было поручено синтезировать одну за другой молекулы алкалоидов, производимых спорыньей. Спорынья – это грибок, который часто заражает зерновые культуры (обычно рожь, из которой пекут хлеб), вызывая у едоков признаки безумия или одержимости. (Как тут не вспомнить знаменитый судебный процесс над салемами ведьмами! Согласно одной из теорий, странное поведение обвиняемых женщин было якобы вызвано отравлением спорыньей.) Кстати говоря, повивальные бабки уже давно использовали спорынью, прибегая к ее помощи для ускорения родов и остановки послеродового кровотечения, так что химики *Sandoz* недаром обратились именно к этому грибку, наде-

ясь получить из его алкалоидов пригодный для продажи препарат. Осенью 1938 года Хофман выделил из спорыньи 25 алкалоидных молекул, дав этой серии название диэтиламид лизергиновой кислоты, или сокращенно ЛСД-25. Предварительное опробование этого соединения на животных не дало многообещающих результатов (животные вели себя беспокойно, но этим все дело и ограничилось), поэтому формулу ЛСД-25 положили в долгий ящик.

Там она и оставалась следующие пять лет, вплоть до апрельского дня 1943 года (война была в самом разгаре), когда у Хофмана вдруг «возникло предчувствие», что стоило бы взглянуть на ЛСД-25 еще раз. И в этом месте его рассказ принимает немного мистический поворот. Обычно, говорит он, если соединение, считающееся неперспективным, выбраковывают, то его сразу же выбрасывают. Но Хофману почему-то «пришлась по душе химическая структура молекулы ЛСД», и что-то подсказало ему, что «эта субстанция обладает свойствами, отличными от тех, которые были выявлены в ходе первых исследований». Еще одна загадочная аномалия случилась, когда он синтезировал ЛСД-25 во второй раз. Несмотря на тщательные меры предосторожности, которые он неизменно соблюдал, когда работал с такими ядовитыми субстанциями, как спорынья, капля химического вещества каким-то образом попала на его кожу и впиталась в нее, поскольку он, по словам самого Хофмана, «был вынужден прервать работу по причине каких-то необычных ощущений».

Хофман пошел домой и лег на диван. «Я находился в дремотном состоянии, с закрытыми глазами... а передо мной мелькал непрерывный поток фантастических картин и необычных форм с яркой, калейдоскопической игрой красок». Так в мрачные дни Второй мировой войны в нейтральной Швейцарии произошел первый в истории человечества «кислотный трип». Единственный в своем роде, потому как произошел он в состоянии полного неведения.

Заинтригованный, Хофман решил через несколько дней провести полноценный эксперимент, поставив его на самом себе, – практика, к которой мало кто прибегал в то время. Соблюдая, как ему казалось, необычайную осторожность, он взял 0,25 миллиграмма ЛСД (миллиграмм – одна тысячная грамма), растворил их в стакане воды и выпил. Будь это любой другой препарат, такая доза в самом деле была бы необычайно мизерной, но это был ЛСД, а он, как оказалось, является одним из самых мощных психоактивных соединений, когда-либо открытых человечеством, потому как сохраняет свою активность даже в микроскопических дозах, измеряемых микрограммами, – в данном случае тысячной долей миллиграмма. Этот удивительный факт вскоре вдохновит ученых на поиск рецепторов головного мозга и веществ, способных воздействовать на него, в результате чего будет найдено эндогенное химическое вещество – серотонин, которое активирует мозг так же легко и быстро, как нужный ключ открывает нужный замок: во всяком случае, подобная метафора объясняет, почему столь малое количество молекул способно оказывать столь мощное воздействие на сознание. Так или иначе, но открытие Хофмана привело к тому, что в 1950-х годах возникла одна из современных отраслей науки – наука о мозге.

Однако в тот самый момент, когда Хофман погрузился в состояние, представлявшееся ему необратимым безумием, произошел первый в мировой истории *жуткий* кислотный трип. Ученый говорит своему помощнику-лаборанту, что ему нездоровится и что ему нужно срочно уехать домой; они садятся на велосипеды и по пустым улицам (так как автомобили в ту военную пору попадались довольно редко) кое-как добираются домой, где Хофман ложится в кровать и ждет, пока его помощник вызовет врача. (В наши дни потребители ЛСД отмечают День велосипедиста ежегодно 19 апреля.) Хофман вспоминает, что «знакомые вещи и предметы мебели вдруг начали принимать гротескные, угрожающие формы. Они находились в непрерывном движении, словно одушевленные и движимые внутренним беспокойством». Короче говоря, знакомый внешний мир стал распадаться, а его собственное эго словно исчезло и растворилось. «В меня вторгся демон, он завладел моими телом, умом и душой. Я вскочил с кровати и закричал, пытаясь освободиться от него, а затем вновь упал на диван и лежал там, одинокий и

беспомощный». Хофман был убежден, что он либо сходит с ума, причем окончательно, либо находится при смерти. «Мое эго находилось где-то в пространстве, и оттуда я взирал на свое лежавшее на диване неподвижное тело». Однако когда прибыл врач и осмотрел Хофмана, оказалось, что все его жизненно важные функции – сердцебиение, давление, дыхание – в полном порядке. Единственный признак, указывавший на то, что с ним что-то не так, – это зрачки: они были необычайно расширены.

Как только «острые симптомы безумия» исчезли, Хофман испытал так называемое «послесвечение», которое часто следует за кислотным трипом и являет собой состояние, полностью противоположное наркотическому похмелью. Когда после весеннего дождя он вышел в сад, «все искрилось и блестело в ярком свете. Мир словно родился заново». За время, прошедшее с того дня, мы многое узнали, и нам теперь известно, что на видения, вызываемые психоделиками, сильно влияют стремления и чаяния человека; нет другого класса лекарственных и иных препаратов, воздействие которых столь сильно зависело бы от самовнушения. Поскольку все пережитое Хофманом под воздействием ЛСД – это единственный опыт в чистом виде, то есть опыт, свободный от влияния предшествующих переживаний или рассказов о них, то небезынтересно отметить тот факт, что он полностью лишен каких бы то ни было восточных или христианских «примесей», которые вскоре станут обязательными атрибутами этого жанра. Однако его видение, где знакомые вещи и предметы оживают и образуют мир, который «словно родился заново», абсолютно сродни тому моменту, когда мир впервые открывается глазам Адама, как его красочно описал десятилетие спустя Олдос Хаксли в своем эссе «*Двери восприятия*»; очень скоро это видение станет обычным атрибутом кислотного трипа и прочих психоделических переживаний.

Из своего «путешествия» Хоффман вернулся с убеждением, что, во-первых, именно ЛСД каким-то образом овладел им, а не он им, и что, во-вторых, ЛСД однажды станет для медиков и особенно для психиатров очень ценным и незаменимым средством имитации, создавая крайне достоверную картину шизофрении. Ему даже в голову не приходило, что не за горами то время, когда его «трудный ребенок», как он впоследствии назвал ЛСД, станет не только препаратом, доставляющим радость, но и наркотиком, ведущим к злоупотреблению.

Однако Хофман с должным пониманием отнесся к тому, что в 1960-е годы молодежная культура взяла ЛСД на вооружение в качестве средства заполнения той пустоты, какую, по его словам, несет материалистическое, индустриальное и духовно бедное общество, потерявшее связь с природой. Этот магистр химии, вероятно самой материалистической из всех наук, вынес из своего горького опыта общения с ЛСД-25 убеждение, что эта молекула потенциально станет для цивилизации не только терапевтическим, но и духовным бальзамом, создав трещину «в здании материалистического рационализма» (говоря словами его друга и переводчика Джонатана Отта.)

Как и многие его последователи, этот блестящий химик тоже сделался в какой-то мере мистиком, проповедующим евангелие духовного обновления и воссоединения с природой. Когда ему в тот памятный день в Базеле преподнесли букет роз, он в ответной речи сказал собравшимся, что «чувство сопричастности ко всему сущему, чувства единства творения со всем сущим должно в еще большей мере заполнить наше сознание и уравновесить бессмысленные материалистические и технологические достижения, чтобы мы смогли вернуться к розам, к цветам, к природе, с которой мы неразрывно связаны». Слушатели разразились бурными аплодисментами.

Скептически настроенный свидетель тех событий был бы не столь уж и не прав, если бы счел этого невысокого человека, стоявшего на сцене, основателем новой религии, а слушателей – его паствой. Но если это и религия, то религия, существенно отличающаяся от всех прочих религий. Обычно основатель религии и самые близкие и преданные из его приверженцев заявляют право на власть и авторитет, даваемые постижением сакрального и непосредственным

приобщением к духовным истинам. На долю же всех последующих поколений приверженцев этой религии достаются только зыбкая мешанина мифов и преданий, символизм таинства причастия и вера. История ослабляет изначальную силу непосредственного приобщения к высшему, передоверяя дальнейшее выполнение обязательных обрядов когорте священников. Но психоделическая церковь возвещает нечто совсем иное и необычное: что каждый человек в любой момент может получить доступ к сакральному опыту путем таинства, в центре которого находится психоактивная молекула.

Однако подводное течение праздничных торжеств, проникнутых атмосферой духовности, принесло в конференц-зал (возможно, не совсем кстати) также и науку. Во время симпозиума, который начался сразу после завершения празднеств по случаю дня рождения Хофмана, ученые и исследователи из самых разных сфер и отраслей науки, включая нейрофизиологию, психиатрию, фармакологию, область сознания, так же как и искусство, говорили о том, как повлияло открытие Хофмана на развитие общества и культуры и какое значение имеет его потенциал не только для углубленного понимания сознания, но и для разработки методики лечения нескольких трудноизлечимых психических расстройств. В ходе симпозиума были одобрены несколько исследовательских проектов по изучению влияния психоделиков на человеческое сознание, и часть из них уже осуществляется в Швейцарии и в Соединенных Штатах. Так или иначе, но ученые на симпозиуме озвучили свою надежду на то, что долговременный перерыв в психоделических исследованиях так или иначе близится к концу. Не секрет, что издержкой профессии людей, работающих в этой области, является иррациональный оптимизм, но в 2006 году были веские причины полагать, что погода наконец действительно меняется в лучшую сторону.

* * *

Второе знаковое событие произошло в том же 2006 году пять недель спустя, когда Верховный суд Соединенных Штатов единогласным решением, которое озвучил и подписал новый главный судья Джон Робертс Младший, постановил, что небольшая религиозная секта, именующая себя UDV и пользующаяся во время таинств галлюциногенным чаем аяуаска, может ввозить его в Соединенные Штаты, даже несмотря на то, что он содержит такую субстанцию (числящуюся в перечне наиболее опасных препаратов), как диметилтриптамин (ДМТ). Это решение основывалось на законе о восстановлении религиозной свободы, принятом в 1993 году, который был принят с целью узаконить (согласно пункту о свободе вероисповедания в Первой поправке к конституции США) право коренных жителей Америки, индейцев, использовать пейотль в своих обрядовых церемониях, как они это делали на протяжении многих поколений. Закон 1993 года гласит, что только «настоятельный интерес» может побудить правительство вмешаться в религиозные дела и запретить лицу (или лицам) отправление религиозных обрядов. В случае с сектой UDV администрация Буша, выступавшая в качестве истца, настаивала на том, что только коренные жители Америки (в силу их «особых отношений с правительством») имеют право использовать психоделики как часть религиозного обряда, и даже в их случае это право может быть ограничено государством.

Суд обоснованно отклонил довод правительства, сославшись на то, что при отсутствии «настоятельного интереса», обозначенного в законе 1993 года, федеральное правительство не может запретить официально признанной религиозной группе использовать психоделические субстанции в своих обрядах. Безусловно, речь идет об относительно новых и малочисленных религиозных группах, члены которых (*ayahuasqueros*) объединяются вокруг психоделического таинства чаепития или вокруг «лекарственного растения», как они сами называют свой чай. UDV – это христианская спиритическая секта, которую основал в 1961 году в Бразилии сборщик каучука Хосе Габриель да Кошта под влиянием откровений, снизошедших на него после

распития отвара аяуаски, полученной двумя годами ранее от одного из амазонских шаманов. Секта существует в шести странах мира и насчитывает 17 000 членов, но на время принятия постановления в ее американском филиале числились только 130 человек. [Название секты расшифровывается как *União do Vegetal*, то есть Союз растений, поскольку аяуаска готовится путем заваривания цветков двух видов лиан, произрастающих в амазонских лесах: лозы духов (*Banisteriopsis caapi*) и психотрии зеленой (*Psychotria viridis*).]

Решение Верховного суда вызвало религиозный ажиотаж вокруг аяуаски и привело к росту «чайных» сект в Америке. Сегодня американская церковь UDV насчитывает 525 человек, а ее общины существуют в девяти штатах. Для их снабжения UDV начала выращивать «чайные» растения на Гавайях, без помех доставляя их группам на материке. Однако число американцев, принимающих участие в чайных церемониях вне UDV, за эти годы сильно выросло, и каждую ночь в различных местах Америки совершаются десятки, если не сотни таких церемоний (их особенно много в районе залива в Сан-Франциско и в Бруклине). Федеральные власти больше не преследуют (по крайней мере, на данный момент) владельцев и хранителей аяуаски, и ее закупка и ввоз осуществляются совершенно свободно.

Своим решением Верховный суд проторил религиозную тропу (пусть и узкую, но прочно опирающуюся на Билль о правах), приведшую к легальному признанию психоделических препаратов, по крайней мере внутри религиозных общин, использующих их для своих таинств. Остается лишь подождать и посмотреть, насколько широкой и утоптанной эта тропа окажется, а это поневоле заставляет задуматься над тем, что именно предпримут правительство и суд, когда появится какой-нибудь доморощенный американский Габриэль да Кошта и попытается отлить свои психоделические откровения в новую религию с намерением использовать психоактивные вещества для приобщения к ее таинствам. Юриспруденция «когнитивной свободы», как ее называют некоторые члены психоделической общины, все еще несовершенна и крайне ограничена (в отношении религии), но теперь, по крайней мере, она покоится на твердом фундаменте, отыскав новую лазейку в неутраченной войне с наркотиками.

* * *

Из трех событий, случившихся в 2006 году и пробудивших психоделики от многолетней спячки, наиболее глубоким и далекоидущим по своему воздействию было последнее, третье, а именно: публикация в журнале «Психофармакология» упомянутой в прологе статьи – той самой, которую прислал мне по почте Боб Джесси и которую я в свое время поленился открыть. Это событие тоже имело ярко выраженный духовный оттенок, хотя эксперимент, который в этой работе описывается, был детищем известного ученого, человека строгих научных взглядов Роланда Гриффитса. Так уж получилось, что именно Гриффитс, из всех исследователей психоделиков самый, пожалуй, маловероятный кандидат для подобной работы, решил на исследование свойств псилоцибина, чтобы на основе собственного мистического опыта сотворить переживание «типа мистического». Знаковая работа Гриффитса, носящая, как уже говорилось выше, название «Псилоцибин способен вызывать у больных переживания вроде мистических, имеющих лично для них важный непреходящий смысл и духовное значение», была первым тщательно продуманным, контролируемым клиническим исследованием двойного слепого метода, проведенным за последние четыре десятилетия, если не больше, с целью изучения психологического воздействия психоделиков. Пресса отреагировала на нее довольно вяло, но те немногие отклики, которые все же появились, были полны такого восторга и энтузиазма, что поневоле закрадывалась мысль: уж не улеглась ли наконец та моральная паника по поводу психоделиков, которая охватила общество в конце 1960-х годов? Нет сомнения, что позитивная тональность откликов в прессе во многом была обязана тому факту, что по настоянию Гриффитса в журнал были приглашены несколько всемирно известных исследова-

телей психоделических препаратов (причем некоторые из них – бывалые вояки, отличившиеся в войне с наркотиками): их попросили прокомментировать исследования, и именно они снабдили журналистов, освещавших эту тему, мощным идеологическим прикрытием.

Из всех комментаторов, отзывавшихся на эту публикацию и посчитавших ее одним из важнейших событий начала нового века, только Герберт Клебер, бывший заместитель Уильяма Беннетта, главного эксперта по наркотикам в правительстве Джорджа Буша, а позднее директор Отдела по вопросам злоупотребления психоактивными веществами в Колумбийском университете, отметил ее методологическую точность и признал, что исследование психоделиков таит в себе «большие терапевтические возможности», которые вполне «заслуживают поддержки со стороны национальных институтов здравоохранения». А Чарльз «Боб» Шустер, занимавший пост директора Национального института токсикомании при двух президентах, заметил, что термин «психоделический» весьма удачен, потому как не только подразумевает расширение сознания, но и выражает его собственную «надежду на то, что эта знаковая работа послужит также делу расширения данной отрасли». И он же высказал мысль, что этот столь «привлекательный» класс препаратов и тот духовный опыт, который они вызывают, могли бы оказаться весьма полезными при лечении наркозависимости.

Работа Гриффитса и отзывы на нее еще ярче выявили и обозначили то важное различие, которое существует между так называемыми классическими психоделиками (к ним относятся псилоцибин, ЛСД, ДМТ и мескалин) и более «ходовым товаром», то есть низкопробными наркотиками, с их ярко выраженной токсичностью и способностью вызывать зависимость. Другими словами, американский научный истеблишмент, занимающийся исследованием психоактивных веществ, просигналил со страниц одного из ведущих научных журналов, что психоделические препараты заслуживают того, чтобы к ним относились совсем по-другому, и признал, по словам одного комментатора, «что, если пользоваться ими должным образом, эти соединения могут оказывать замечательное и, вероятно, благоприятное воздействие, несомненно заслуживающее дальнейшего изучения».

История появления этой работы интересна сама по себе, потому как проливает свет на непростые отношения между наукой и другой сферой человеческих устремлений, которую эта наука с момента своего возникновения всячески презирала и в целом не признавала, отказываясь иметь с нею дело; я имею в виду духовность. Ибо, задумывая первое современное исследование псилоцибина, Гриффитс с самого начала решил акцентировать свое внимание не на потенциальном терапевтическом эффекте этого препарата – по этому пути пойдут другие исследователи в надежде, что им удастся реабилитировать некоторые из запрещенных веществ вроде МДМА, – а на духовном воздействии этого опыта на здоровых, нормальных людей. Есть ли в *этом* что-то хорошее и если есть, то что?

В редакционной статье, сопровождавшей публикацию работы Гриффитса, психиатр Чикагского университета и эксперт по проблемам злоупотребления наркотиками Харриет де Уит попыталась снять это напряжение, указав на то, что стремление к состояниям, которые «освобождают человека от пут повседневного восприятия и мышления в поисках универсальных истин и просветления», – это неперенный элемент жизнедеятельности человечества, элемент, который, тем не менее, «не пользовался большим доверием у представителей научного мира». Пришло время, утверждает она, когда наука наконец «должна признать эти невероятные субъективные переживания... даже если они иногда несут в себе утверждения о некоей высшей реальности, находящейся вне сферы компетенции науки».

* * *

Вероятно, имя Роланда Гриффитса последним пришло бы на ум мне или кому-то другому, доведись нам назвать ученых, так или иначе связанных с психоделиками, и этот фактор,

несомненно, во многом объясняет тот успех, которого он достиг в деле возвращения психоделикам и связанным с ними исследованиям научной респектабельности.

Шести футов ростом, сухой и подтянутый, Гриффитс в свои семьдесят лет держится неестественно прямо; единственное, что выбивается из этой безукоризненной схемы, – шапка седых волос, таких густых и идеально уложенных, словно по ним только что прошелся гребень. По крайней мере, пока не заставишь его говорить на интересующие его насущные темы (отчего он сразу оживляется и светлеет лицом), внешне он предстает как натянутая струна: трезвый, серьезный, методичный.

Гриффитс родился (в 1944 году) и вырос в Эль-Серрито, Калифорния, в районе залива Сан-Франциско, отучился несколько лет в Восточном колледже (выбрав в качестве основной специальности психологию), а затем поступил в Университет Миннесоты, где изучал психофармакологию. Именно в Миннесоте в конце 1960-х годов он подпал под влияние Б. Ф. Скиннера, бихевиориста радикального толка, внесшего огромный вклад в развитие психологии, сместив фокус ее изучения с внутренних состояний и субъективного опыта к внешнему поведению и факторам окружающей среды, его обуславливающим. Бихевиоризм мало интересуют проблемы и глубины человеческой психики, но его методы исследования поведения человека, находящегося в состоянии наркотического опьянения и зависимости (а именно по этой части и специализировался Гриффитс), оказались весьма полезными. Психоделики не сыграли абсолютно никакой роли ни в его формальном, ни в его неформальном образовании, но к тому времени, когда Гриффитс еще ходил в среднюю школу, пресловутый психоделический проект, начатый Тимоти Лири в Гарварде, уже завершился скандалом, поэтому «мои наставники сразу дали мне понять, что у этих соединений нет никакого будущего».

Окончив аспирантуру в 1972 году, Гриффитс был принят на работу в Университет Джонса Хопкинса, где и работает с тех пор как психолог, изучая механизмы зависимости у самых разных, как легальных, так и нелегальных, наркотических препаратов, включая опиаты и так называемые седативно-снотворные средства (типа валиума), а также никотин, алкоголь и кофеин. На средства от грантов, выделяемых Национальным институтом токсикомании, Гриффитс смог провести ряд уникальных опытов с животными, в которых подопытное животное (чаще всего бабун или крыса) было снабжено рычагом, позволявшим ему самостоятельно вводить внутривенно различные препараты, – эффективный инструмент в руках исследователей, изучающих различные стадии привыкания к препаратам, зависимость от них и предпочтения («*Что лучше: пообедать или принять лишнюю дозу кокаина?*»). 55 опубликованных им работ, посвященных исследованию свойств кофеина, способного вызывать привыкание, полностью преобразовали эту область и помогли понять, что кофе – это в меньшей степени продукт питания и в большей – наркотик, в результате чего «синдром отмены кофеина» был внесен в самое последнее, пятое издание «*Справочника по диагностике и статистике психических расстройств*». Когда Гриффитсу исполнилось пятьдесят лет, а это случилось в 1994 году, это был ученый с мировым именем, один из лучших в своей области.

Но в этом же году карьера Гриффитса сделала совершенно неожиданный поворот, обусловленный двумя случайными обстоятельствами. Первое из них – знакомство с сиддха-йогой. Несмотря на то что он как ученый придерживался бихевиористской ориентации, Гриффитс всегда интересовался тем, что философы называют феноменологией, – субъективным опытом сознания. Он пробовал медитировать, еще будучи аспирантом, но пришел к выводу, что «не может высидеть спокойно и трех минут, не сойдя с ума от ярости. Три минуты казались мне тремя часами». Но когда в 1994 году он вновь попробовал медитировать, то обнаружил на сей раз, что ему «открылось нечто». Он начал регулярно заниматься медитацией, активно посещая медитативные центры и на себе испробовав многие восточные духовные практики, и обнаружил, что «все глубже и глубже втягивается в эту мистерию».

Где-то в середине этого процесса на Гриффитса снизошел мистический опыт – то, что сам он скромно назвал «весьма забавным пробуждением». Я удивился, когда Гриффитс упомянул об этом во время нашей встречи в его офисе, и не стал акцентировать внимание на этом вопросе, а жаль, потому как потом, когда я узнал его немного лучше, Гриффитс с явной неохотой поддерживал эту тему и отказывался давать более точные сведения о том, что же все-таки произошло, а я как человек, вообще не имевший подобного опыта, не испытывал особой тяги развивать эту мысль. Все, что он мне рассказал, можно свести к нескольким фразам: мол, в ходе этого мистического переживания, посетившего его во время медитации, он узрел «нечто за границами материалистического мировоззрения, нечто, о чем я не могу рассказать моим коллегам, потому что это требует привлечения метафор или допущений, которые у меня как ученого вызывают чувство дискомфорта».

Со временем то знание о «тайнах сознания и бытия», которое он приобрел в ходе медитативных практик, стало казаться ему куда более убедительным, чем его наука. Он начал испытывать некое отчуждение по отношению к коллегам и близким.

– Никто из тех людей, с которыми я был близок, – доверительно сообщил он мне, – не интересовался и не давал себе труда задуматься над теми вопросами, которые подпадали под категорию духовных, а что касается людей религиозных, то я их просто не признавал. И вот вам результат: я, штатный университетский профессор, выпускающий одну за другой научные работы и постоянно спешащий на разные важные встречи, чувствую себя при этом как мошенник.

Он мало-помалу начал терять интерес к исследованиям, прежде составлявшим смысл всей его жизни.

– Я мог бы изучить новое седативное или гипнотическое средство, мог бы узнать что-то новое о рецепторах мозга, мог бы войти в еще одну группу в Управлении по санитарному надзору и поехать еще на одну конференцию, но что из этого? Меня и эмоционально и интеллектуально больше интересовало другое, а именно: куда же приведет меня тот, другой путь. Исследования наркотиков начали казаться мне пустыми и бессмысленными. Я просто выполнял рутинную работу, мечтая в это время о том, что вечером приду домой и займусь медитацией.

Единственное, что мотивировало его все это время, заставляя продолжать подавать прошения о грантах, – это мысль о том, что этим он «оказывает услугу» своим аспирантам и стажерам.

Что касается изучения свойств кофеина, то Гриффитс мог бы направить свой любознательный ум на новую грань своего повседневного опыта (например, что именно заставляет его пить кофе каждый день?) и превратить ее в производственную линию научного исследования. Но углубляющийся интерес к иным уровням сознания, открывшимся ему в ходе медитации, помешал ему увидеть эту перспективу. («Мне даже в голову не приходило, что можно изучать это с позиции науки».) Загнанный в угол, скучающий, Гриффитс все чаще начал задаваться мыслью: уж не бросить ли ему науку и не отправиться ли в Индию, в ашрам к какому-нибудь гуру?

Примерно в это время Гриффитсу позвонил Боб Шустер, его старый друг и коллега, недавно ушедший в отставку с поста директора Национального института токсикомании, и предложил ему переговорить с неким молодым человеком по имени Боб Джесси, с которым он познакомился в Эсаленском гуманитарном центре, расположенном в местечке Биг-Сур, Калифорния. Джесси собрал в этом легендарном центре небольшую группу исследователей, психотерапевтов и ученых-теологов, чтобы обсудить с ними вопрос духовного и терапевтического потенциала психоделических препаратов, а также их реабилитации. Сам Джесси не имел ни медицинского, ни научного образования; он был простым инженером-компьютерщиком, бывшим директором по развитию бизнеса в компании *Oracle*, поставившим себе целью (и сделав-

шим эту цель своим предназначением) возродить психоделику как науку, но не столько как инструмент медицины, сколько как инструмент духовного развития.

Гриффитс в немногих словах рассказал Шустеру о своей духовной практике и поведал ему о своем все более растущем недовольстве традиционными методами исследования наркотических препаратов.

– Ты непременно должен поговорить с этим парнем, – сказал ему Шустер. – У них там есть несколько интересных идей, касающихся работы с энтеогенами. У тебя с ними много общего.

* * *

Когда будет написана история второй волны психоделических исследований, Боб Джесси наверняка будет фигурировать в ней как один из двух научных аутсайдеров Америки (несомненных любителей, но при этом блестящих эксцентриков), который неумоимо трудился, часто не на виду, а за кулисами, чтобы осуществить свой замысел. Оба нашли свое призвание, лично приобщившись к психоделическому опыту, который не только их преобразил, но и убедил в том, что эти субстанции обладают мощным потенциалом, способным исцелить не только индивидуума, но и человечество в целом, и что наилучший способ, ведущий к их реабилитации, – это заслуживающее доверия научное исследование. Во многих случаях эти неопытные исследователи сначала задумывали эксперименты, а затем уже находили (и финансировали) ученых для их проведения. Их имена часто можно было встретить на официальных бумагах, но где-нибудь на самом последнем месте.

Из них двоих Рик Доблин больше подвизался на этом поприще, чем Боб Джесси, и потому известен гораздо больше, чем он. Доблин является основателем многопрофильной Ассоциации психоделических исследований, основу которой он начал закладывать еще в те мрачные дни 1986 года (то есть через год после того, как МДМА был объявлен вне закона), когда даже самые умные головы были убеждены, что возобновление психоделических исследований – дело абсолютно безнадежное.

Доблин (он родился в 1953 году) – это большая лохматая собака с костью; он начал «обращивать» членов правительства, пытаясь заставить их поменять свое мнение о психоделиках, еще в 1987 году, вскоре после окончания Нового колледжа в штате Флорида. После экспериментов с ЛСД (в качестве аспиранта), а затем и с МДМА Доблин решил, что его жизненное призвание – стать психотерапевтом, специализирующимся на психоделиках. Но после запрета МДМА в 1985 году эта мечта, понял он, неосуществима без соответствующих поправок в федеральные законы и нормативные акты, поэтому он решил для начала получить докторскую степень в области государственной политики в Школе Кеннеди в Гарварде. Пройдя стажировку в Управлении по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, он усвоил все тонкости процесса узаконивания лекарственных препаратов и в своей диссертации обозначил главные вехи трудоемкого пути их официального признания – пути, по которому ныне следуют псилоцибин и МДМА.

Доблин обезоруживающе, возможно, даже беспомощно честен и всегда готов открыто рассказывать журналистам о своих психоделических откровениях, впрочем, как и о политической стратегии и тактике. Как и Тимоти Лири, он благороднейший из воинов, суровый, никогда не улыбающийся и не стремящийся выказать и доли энтузиазма в своей работе, которого, собственно, никто и не ждет от человека, всю свою сознательную жизнь быющего головой об одну и ту же стену.

Доблин работает в офисе, размещающемся на чердаке его выстроенного в колониальном стиле дома в Белмонте, штат Массачусетс, в офисе, духом и обстановкой напоминающем диккенсовские конторы, где он сидит за столом, заваленным высыющимися до потолка горами

каких-то манускриптов, журнальных статей, фотографий и всякого рода памятных записок, собранных более чем за 40 лет. Некоторые из них относятся к самым ранним годам его карьеры, когда ему в голову пришла великолепная, как ему тогда казалось, мысль, что самый простой способ покончить с сектантскими разногласиями и межрелигиозной рознью – разослать ведущим духовным лидерам мира таблетки МДМА, препарат, известный своими свойствами разрушать барьеры между людьми и вызывать всеобщие сочувствие и симпатию. Примерно в это же время он договорился о том, чтобы тысячу доз МДМА отправили высшим чинам Красной Армии, людям, которые в это время вели переговоры с президентом Рейганом о контроле над вооружением.

Добиться от Управления по санитарному надзору согласия на использование психоделиков в медицине – прежде всего МДМА и псилоцибина, которые находятся в поле внимания общественности, – это для Доблина лишь первый шаг к достижению более амбициозной и все еще достаточно спорной цели: внедрении психоделиков не просто в медицину, а в американское общество и культуру. Разумеется, эта стратегия во многом беспроигрышная, и за ней тут же последовала кампания по декриминализации марихуаны, поскольку ранее проводившаяся кампания по продвижению конопли как средства, которое можно с успехом использовать в медицинских целях, полностью изменила представление об этих наркотиках, содействуя их общественной легализации.

Не удивительно, что подобные разговоры раздражают более осторожные головы в научном сообществе (и Боб Джесси в их числе), но Рик Доблин не из тех, кто смягчает свою повестку дня или даже *подумывает* о снятии с показа записи своего интервью. Это помогает поддерживать ажиотаж в прессе вокруг его имени, но способствует ли это успеху дела и насколько, остается спорным. Однако нет такого вопроса в сфере важных исследований, особенно за последние несколько лет, который бы Доблин не решил и на финансирование которого ему не удалось бы получить одобрение высших инстанций; особенно это касается МДМА, который долгое время был в центре внимания Международной системы предотвращения злоупотреблений (МСПЗ). Именно МСПЗ спонсировала ряд небольших клинических испытаний, доказавших ценность МДМА при лечении посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). (Характеризуя психоделики, в том числе МДМА и даже коноплю, Доблин не скупится на похвалы в их адрес, хотя механизмы их воздействия на мозг сильно отличаются от механизмов, присущих классическим психоделикам.) Но помимо помощи тем, кто страдает ПТСР и прочими психическими расстройствами, МСПЗ спонсирует также и клинические исследования в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес), имеющие целью выяснить терапевтическое воздействие МДМА на аутистов. Сам Доблин свято верит в целительную силу психоделиков и считает, что они способны усовершенствовать все человечество путем раскрытия духовных измерений сознания, которые являются общими для всех нас, несмотря на наши религиозные убеждения или отсутствие таковых. «Мистицизм, – любит он повторять, – это противоядие от фундаментализма».

* * *

По сравнению с Риком Доблином Боб Джесси – настоящий монах. Он аккуратист до мозга костей. Подтянутый, скромный, склонный тщательно подбирать слова, прежде чем что-либо сказать, Джесси, которому уже далеко за сорок, предпочитает выполнять свою работу вдали от глаз общественности, в основном в той тесной (она состоит всего из одной комнаты) хижине, расположенной среди пустынных гор к северу от Сан-Франциско, где он живет в полном одиночестве, оторванный от всяких средств связи, кроме Интернета. Монах, да и только!

– Боб Джесси напоминает мне кукловода, – сказала мне как-то Кэтрин Маклин, психолог, работавшая в 2009–2013 годах в лаборатории Роланда Гриффитса. – Он дальновидный малый, настоящий визионер, но предпочитает работать за кулисами.

Точно следуя подробным указаниям Джесси, я проехал порядочное расстояние в северном направлении от залива и в конце концов выехал на грязную узкую дорогу, петлявшую среди холмов (Джесси попросил меня не указывать название местности). Припарковавшись у начала пешеходной зоны, я прошел мимо знаков «Посторонним вход воспрещен» и стал подниматься вверх по тропе, которая привела меня в живописный лагерь, разбитый на вершине горы. У меня было такое чувство, словно я пришел в гости к волшебнику. Маленькая хижина, формой напоминавшая корабль, оказалась слишком тесной для двоих человек, поэтому Джесси удобства ради расставил между сосен и валунов несколько диванов, стульев и столов. Кухня тоже находилась снаружи, а на плоском выступе скалы, откуда открывался красивый вид на горы, он устроил душ, придававший его жилищу странное ощущение дома, вывернутого наизнанку.

Первую часть этого весеннего дня мы провели вне стен, в природной «гостиной», попивая травяной чай и обсуждая заметно приутихшую кампанию по реабилитации психоделиков – тот генеральный стратегический план, в котором Роланд Гриффитс играл главную роль.

– В прицеле камер я чувствую себя неуютно, – начал разговор Джесси, – поэтому, пожалуйста, никаких снимков или видеозаписей.

Джесси – стройный, плотно скроенный мужчина, чья несколько квадратная голова увенчана ежиком коротко стриженных седых волос, а за стеклами квадратных очков без оправы, очень стильных, сверкают живые глаза. Джесси редко улыбается; в нем чувствуется некоторая жесткость, которая у меня обычно ассоциируется с инженерами и людьми технических профессий, хотя иногда он может удивить неожиданным всплеском эмоций, который тут же стремится обуздать.

– Возможно, вы заметили, – откровенно признался Джесси, – что, когда я думаю об этом предмете, мои глаза начинают немного слезиться. Сейчас я объясню почему...

Сам он не только с особым тщанием подбирает слова, но и настаивает на том, чтобы собеседник тоже это делал. Например, когда я бездумно употребил термин «в рекреационных целях», он прервал меня на полуслове и сказал:

– Возможно, нам следует пересмотреть этот термин. Обычно его используют с намерением принизить тот или иной опыт. Но зачем? Слово «рекреационный», если рассматривать его в буквальном значении, подразумевает нечто сугубо нетривиальное. По этому поводу можно еще многое сказать, но давайте отложим эту тему до лучших времен. Пожалуйста, продолжайте.

Мои записи показывают, что Джесси подобным образом прерывал и возобновлял наш разговор шесть раз.

Джесси вырос на окраине Балтимора и после школы поступил в Университет Джонса Хопкинса, где изучал информатику и электротехнику. Когда ему минуло двадцать, он в течение нескольких лет работал в Лабораториях Белла, крупном исследовательском центре в области телекоммуникаций, электронных и компьютерных систем, и еженедельно ездил из Балтимора в Нью-Джерси. В этот период он вышел из-за кулис и впервые заявил о себе, уговорив руководство компании AT&T официально признать первое гомосексуально-лесбийское объединение ее сотрудников. (В настоящее время AT&T насчитывает порядка 300 000 человек.) Затем он же добился от руководства AT&T того, чтобы всю неделю во время проведения празднеств в защиту секс-меньшинств над ее штаб-квартирой развевался радужный флаг и чтобы делегация от компании прошла маршем во время проведения гей-парада. Эти достижения и стали основой политического воспитания Боба Джесси, показав ему ценность тихой и неприметной работы, которая ведется за кулисами, не вызывая большой шумихи и не требуя признания.

В 1990 году Джесси перешел на работу в компанию *Oracle* (в это время он жил в Сан-Франциско в районе залива), где числился сотрудником под номером 8766 – как видим, далеко не первый, но в то же время один из тех, кому удалось отхватить солидный пай акций компании. И вскоре, как это и следовало ожидать, *Oracle* выставила свой собственный контингент секс-меньшинств на гей-параде в Сан-Франциско, а после мягкого подталкивания руководства со стороны Джесси *Oracle* стала одной из первых среди 500 крупнейших компаний, предложивших льготы однополым партнерам из числа своих сотрудников.

Первый интерес к психоделикам проснулся у Джесси на уроках естествознания в средней школы, во время изучения лекарственных растений и препаратов. Психоделики – это особые вещества, рассказывал учитель (и не покривил душой), вещества, которые не вызывают ни физической, ни психологической зависимости; после этого он перечислил воздействие этих препаратов на человека, включая сдвиг сознания и яркое зрительное восприятие, чем весьма заинтриговал Джесси.

– Я интуитивно почувствовал, что за этим кроется нечто больше того, о чем мне рассказывали, – вспоминает он. – Поэтому я поставил себе мысленную галочку: мол, надо будет вернуться к этому.

Но вернется он к этому много-много позже, когда будет готов к тому, чтобы начать разбираться, что же представляют собой психоделики. Почему? На этот вопрос он сам ответил от третьего лица:

– Замкнутый ребенок, тем более с гомосексуальными наклонностями, как правило, боится, как бы чего не вышло, если он вдруг ослабит свою защиту.

В 20 лет, уже работая в Лабораториях Белла, Джесси сблизился в Балтиморе с компанией молодых людей, решивших, тщательно все обдумав, поэкспериментировать с психоделиками. Кто-нибудь из них всегда оставался «заземленным» на тот случай, если кому-то понадобится помощь или позвонят в дверь, поэтому дозы увеличивались постепенно. Именно во время одного из таких экспериментов (дело было в субботу вечером в какой-то квартире в Балтиморе) Джесси, которому на тот момент было 25 лет и который только что принял большую дозу ЛСД, посетил, по его словам, «полноценный глюк», оказавший преобразующее воздействие на его сознание. Я попросил Джесси описать этот опыт, и он после долгого хмыканья и покашливания («Надеюсь, вы понимаете, что для меня это очень чувствительный момент...») все же решился рассказать свою историю.

– Я лежал на полу под фикусом и был готов ко всему, – вспоминает он, – потому как знал, что меня ждут сильные впечатления. И вот наступил момент, когда то небольшое, что от меня еще оставалось, начало куда-то ускользать. Я потерял ощущение того, что лежу на полу в чьей-то квартире в Балтиморе, и даже не мог сказать, открыты у меня глаза или закрыты. Передо мной открылось – как бы это лучше сказать? – некое пространство, но это не было ощущение пространства в нашем обычном понимании этого слова, а чистое осознание некоего мира, лишённого формы и содержания. И в этот мир вошла небесная сущность, ставшая источником возникновения физического мира. Это было подобно «большому взрыву», но без взрыва и без ослепительного света, это было рождение физической Вселенной. В каком-то смысле это было драматичное событие – может быть, самое важное из всего, что случилось в истории этого мира, – и оно просто взяло и случилось прямо на моих глазах.

Я спросил Джесси, где он все это время находился.

– Я наблюдал за всем этим неизвестно откуда. Я был всюду и конкретно нигде. Я сосуществовал вместе с этим процессом, был его неделимой частью... – В своих воспоминаниях он словно отдалялся от меня, слова становились все более редкими, и я ему указал на это. Последовала долгая пауза. – Я медлю, потому что колеблюсь в выборе слов, потому что слова неуклюжи и мало отвечают тому, что я силюсь передать. Они кажутся мне слишком ограниченными.

Да, пожалуй, невыразимость является отличительной чертой мистического опыта.

– Это осознание выходит за рамки какой-либо конкретной чувственной модальности, – пытался он беспомощно объяснить мне свое состояние. Было ли ему страшно? – Нет, ни малейшего страха, только очарование и трепет. (Снова пауза.) Хотя, возможно, немного страха было.

Таким образом он наблюдал (можете назвать это как угодно) рождение... всего, начало возникновения проявившейся в эпической последовательности космической пыли, ставшей основой сотворения звезд, потом солнечных систем, а за ними и возникновения жизни, а уже жизнь явила тех, «кого мы называем людьми», а потом последовало овладение языком и раскрытие сознания – «и опять обратно, вплоть до осознания самого себя, лежащего в комнате в окружении друзей».

– Я прошел весь путь назад, туда, где в тот момент находился. Сколько времени все это длилось? Понятия не имею. Но что мне запомнилось особо, так это качество пережитого мною осознания; это было нечто, совершенно отличавшееся от того, что я привык считать Бобом и с чем давно сросся. Как это расширенное осознание вписывается в систему вещей? В какой-то мере я рассматриваю этот опыт как отражающий действительные события, хотя полностью в этом не уверен; он говорит мне, что по отношению к физической вселенной сознание первично. В сущности, оно ей предшествует.

Верит ли он в то, что сознание существует вне мозга? Он не может сказать с определенностью.

– Но если отойти от того, что нам кажется непреложным и в чем мы абсолютно уверены, а именно: что верно как раз обратное [то есть что сознание является продуктом серого вещества мозга], то быть неуверенным – это великая подвижка.

Я спросил его, согласен ли он со словами Далай-ламы, сказавшего, что идея, будто сознание возникает в мозге – идея, безусловно разделяемая большинством ученых, – это «всего лишь метафизическое допущение, а не научный факт».

– Браво! – воскликнул Джесси. – Для человека с моей ориентацией [то есть агностика, вооруженного наукой] это меняет все.

* * *

Что касается видений, подобных тому, которое явилось Бобу Джесси, то я не понимаю вот чего: почему, ради всего святого, следует всему этому верить? Я не понимаю, почему бы его просто не отнести к категории «интересных снов» или «наркотических фантазий». Но наряду с чувством невыразимости отличительной чертой мистического опыта – чем бы он ни был вызван: наркотиком, лекарственным препаратом, медитацией, голоданием, поркой или выключением органов чувств, – является убеждение в том, что в нем открывается некая глубокая объективная истина. Уильям Джеймс дал название этому убеждению: ноэтическое качество. Люди чувствуют, что их допустили к сокровенной тайне вселенной, дали соприкоснуться с ней, и от этого убеждения им никак не отделаться. Увы, пишет Джеймс, но «мечты не выдерживают этого испытания». Несомненно, именно поэтому некоторые люди, имевшие подобный мистический опыт, основывают религии, меняющие курс мировой истории или, как это происходит в подавляющем большинстве случаев, курс собственной жизни. «Несомненно», то есть отсутствие сомнения, – вот ключ к этому явлению.

Мне приходит на ум лишь несколько способов, как объяснить такое явление, и ни один из них меня полностью не удовлетворяет. Самый честный и прямолинейный, но и самый трудный – это признать, что все пережитое истинно: мол, в состоянии измененного сознания человеку открывается истина, которую все мы, стиснутые рамками обычного бодрствующего сознания, просто не видим. Однако наука не приемлет такую интерпретацию, поскольку истинность восприятия, каким бы оно ни было, не может быть подтверждена привычными инструмен-

тами. По сути, это анекдотический отчет, и как таковой он не имеет никакого значения. Науку мало интересует свидетельство отдельного индивидуума, а доверяет она ему и того меньше; в этом отношении она, что любопытно, во многом напоминает организованную религию, которая тоже мало доверяет прямым откровениям, а то и вовсе их не признает. Следует, однако, указать на то, что бывают случаи, когда у науки нет другого выбора, кроме как положиться на свидетельство индивидуума, – как, например, в случае исследования субъективного сознания, которое недостижимо для научных инструментов и потому может лишь быть описано человеком, его вмещающим. Здесь все важнейшие данные предоставляет феноменология. Однако это не тот случай, когда выясняемые истины, касающиеся мира, находятся *вне* нашей головы.

Если быть точным, то проблема с верой в мистический опыт в том, что здесь часто стирается грань между внутренним и внешним, как, например, в случае с Бобом Джесси, чье «размытое осознание» принадлежало ему и в то же время существовало вне его. Но это указывает и на второе возможное объяснение нозетического чувства: когда ощущение нашего субъективного «я» растворяется (а это часто происходит в галлюцинаторных видениях, вызванных большими дозами психоделиков, как, впрочем, и во время медитации, проводимой опытными мастерами), становится возможным отличить субъективную истину от объективной. И что еще остается скептикам, как не начать сомневаться в своем «я»?

* * *

В годы, последовавшие за первым психоделическим трипом, Боб Джесси испытал целый ряд других откровений, в корне изменивших течение его жизни. Живя в Сан-Франциско в начале 1990-х годов, он оказался в самом эпицентре бурной молодежной жизни и потому быстро обнаружил, что «коллективное возбуждение», овладевающее всеми участниками ночных дискотек или танцевальных вечеринок, с наличием психоделических «материалов» или без оных, тоже может растворять «субъектно-объектную двойственность» и открывать новые духовные перспективы. Он начал изучать различные духовные традиции, от буддизма до кванкерства и медитации, и обнаружил, что его жизненные приоритеты мало-помалу меняются. «Мне начало приходить в голову, что если окунуться в эту область жизни, то опыт, вынесенный оттуда, может оказаться куда более важным и куда более полноценным, чем все то, что я делаю» как инженер-компьютерщик.

Взяв годичный отпуск за свой счет (из компании *Oracle* он уйдет лишь в 1995 году), Джесси создал некоммерческую организацию под названием «Совет по духовным практикам», поставившую целью «сделать акт непосредственного приобщения к сакральному доступным для большего числа людей». Хотя сайт организации сильно преуменьшает ее интерес к продвижению энтеогенов (Боб Джесси предпочитает им термин «психоделики»), он, однако, описывает ее миссию словами, не оставляющими в том никакого сомнения: «Отыскивание и разработка безопасных и вместе с тем эффективных методов, подводящих к первичному религиозному откровению». На сайте организации (csp.org) в разделе «Библиография» выложена прекрасная подборка книг по исследованию психоделиков, которая регулярно обновляется, за чем следит Университет Джонса Хопкинса. Совет по духовным практикам всячески поддерживал церковь UDV в ее судебной тяжбе против правительства, которая завершилась в 2006 году приведенным выше решением Верховного суда.

Созданный Джесси Совет по духовным практикам возник на основе систематического изучения им психоделической литературы и общения с членами психоделической коммуны в районе залива, возникшей там вскоре после его переезда в Сан-Франциско. В присущей ему крайне осмотрительной, немного навязчивой и изысканно вежливой манере он постоянно поддерживал связь с многочисленными «психоделическими старейшинами» региона – богатейшим пантеоном персонажей, активно участвовавших в исследовании терапевтических свойств

наркотических препаратов до того, как большинство этих препаратов было запрещено в 1970 году, после принятия Закона о контролируемых веществах и классификации ЛСД и псилоцибина (по шкале № 1) как веществ потенциально опасных, ведущих к злоупотреблению и не пригодных к использованию в медицинских целях. Среди них в первую очередь следует назвать психолога Джеймса Фадимана, выпускника Стэнфордского университета, который был пионером в области психоделических исследований и проблем наркозависимости в Международном фонде перспективных исследований в Менло-Парке, где он работал по 1966 год, когда Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов закрыло эту исследовательскую группу. (В начале 1960-х Стэнфорд по уровню и объему психоделических исследований ничем не уступал Гарварду, просто там не было человека с той же напористостью, что у Тимоти Лири, который бы поведал об этом миру.) Следом за ним идет Майрон Столярофф, коллега Фадимана по институту, выдающийся инженер-электрик из Кремниевой долины, ранее работавший руководителем отдела планирования в фирме *Ampex*, одной из первых компаний высоких технологий, производившей оборудование для магнитных записей, пока увлечение ЛСД и откровения, пережитые им под воздействием этого психоделика, не заставили его (как и Боба Джесси) уйти из профессии, предпочтя карьеру исследователя и психотерапевта. Джесси был также знаком и с более узким кругом друзей Александра и Анны Шульгиных, легендарных фигур Сан-Франциско, устраивавших еженедельные обеды для группы психотерапевтов, ученых и прочих экспертов, интересовавшихся психоделиками. (Александр Шульгин, умерший в 2014 году, был блестящим химиком, которому Управление по борьбе с наркотиками выдало лицензию, дававшую право синтезировать новые психоделические составы, чем он успешно и занимался на протяжении многих лет. Он же первым синтезировал МДМА, фактически возродив его из небытия, так как впервые он был запатентован фирмой *Merk* еще в 1912 году и с тех пор основательно забыт. Установив, что тот обладает психоактивными свойствами, Шульгин представил этот так называемый эмпагоген психотерапевтическому сообществу в Сан-Франциско. И только много позже он стал тусовочным наркотиком, ныне известным как «экстази».) Дружил Джесси и с Хьюстоном Смитом, философом, изучавшим сравнительное религиоведение, который не отрицал духовного потенциала психоделиков и был открыт любым экспериментам в этой области еще с тех пор, когда он, работая в 1962 году инструктором/лектором в Массачусетском технологическом институте, участвовал добровольцем в знаменитом Бостонском эксперименте, проводившемся на Страстную пятницу, из которого он вышел с убеждением, что мистический опыт, вызванный наркотиком, ничем не отличается от других, ему подобных.

Побуждаемый этими «старейшинами», да и под влиянием прочитанных книг, Джесси начал раскопки богатейшего корпуса психоделических исследований первой волны, большая часть которых была потеряна для науки. Он откопал, что до 1965 года было написано свыше тысячи научных работ о терапевтических свойствах психоделических препаратов, в которых было представлено свыше 40 тысяч объектов исследования. Начиная с 1950-х и до начала 1970-х годов психоделические соединения массово использовались для лечения различных недугов (включая алкоголизм, депрессию, обсессивно-компульсивные расстройства и психическую подавленность, характерную для многих людей в конце жизни), причем часто с впечатляющими результатами. Но лишь очень немногие из них осуществлялись в соответствии с современными научными стандартами, а результаты некоторых вообще были скомпрометированы неумеренным энтузиазмом проводивших их исследователей.

Еще больший интерес для Боба Джесси представляли ранние исследования психоделиков, имевшие своей целью изучение их потенциального воздействия на то, что сам он громко называет «улучшением породы здоровых людей». Такие исследования со «здоровыми людьми» действительно проводились, и их целью было установить у этих людей уровень художественно-научного творчества и духовности. Самым известным из них был эксперимент 1962

года, проводившийся в Маршской часовне Бостонского университета в Страстную пятницу под руководством Уолтера Панке, священника и психиатра, работавшего в то время в Гарварде над своей кандидатской диссертацией (его научным руководителем был сам Тимоти Лири). Этот эксперимент (он проводился двойным слепым методом) заключался в том, что двадцати студентам-богословам во время службы в Страстную пятницу (она, как уже было сказано, проводилась в Маршской часовне) были розданы капсулы с белым порошком; в десяти капсулах был псилоцибин, а в десяти других – «активное плацебо», в данном случае ниацин, который вызывает в теле чувство покалывания. Восемь из десяти студентов, получивших капсулу с псилоцибином, сообщили, что у них был непередаваемый мистический опыт, тогда как в контрольной группе подобный опыт был только у одного человека. (Впрочем, отличать эти группы одна от другой было совсем нетрудно, что делало двойной слепой метод совершенно излишним: участники, принявшие плацебо, спокойно сидели на своих скамьях, тогда как принявшие псилоцибин лежали на них или бродили как неприкаянные вокруг часовни, бормоча про себя: «Господь вездесущ» или «Слава Тебе, Господи!») Панке пришел к выводу, что видения тех, кто принял псилоцибин, «не отличались от классических видений» (если только не были идентичны им), возникающих в ходе обычного мистического опыта, как он описан в мировой литературе. Хьюстон Смит с ним согласился. «До этого эксперимента, – заявил он в интервью, данном в 1996 году, – у меня не было встреч с глазу на глаз с Самим Богом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.